

Глава 11. Домашнее тепло

В тот день, услышав предложение Ли Юйняня, Сяо Пин не ответил сразу. Их отношения, хоть и назывались романтическими, на деле ушли лишь на полшага дальше обычной дружбы. Им всё ещё не хватало той искренней, абсолютной близости, когда влюблённые могут часами болтать обо всём на свете без утайки.

С самого знакомства они сознательно обходили острые углы в разговорах, а сблизившись, не лезли в личные дела друг друга. Сяо Пин вполне довольствовался этой зыбкой гармонией и не стремился что-либо менять. Но когда Юйнянь позвал его к себе, отказываться почему-то не хотелось.

Юйнянь пожалел о содеянном сразу же, как только сорвалось слово. Крохотная, убогая каморка, где он ютился, никак не вязалась с обликом Сяо Пина. В представлении юноши тот был рождён для роскошных апартаментов, изысканной еды и услуг преданных слуг. Человек, никогда не знавший забот о хлебе насущном, и он — едва сводящий концы с концами сирота. Не случись той нелепой аварии, их пути никогда бы не пересеклись. Много лет спустя, узнав об этих горьких мыслях своего избранника, Сяо Пин лишь загадочно улыбнётся в ответ: неважно, насколько велика пропасть между нами, если мой взгляд однажды остановился на тебе — финал предрешён.

В конце концов они, укрываясь от хлеставшего ветра и дождя, добежали до старого общежития.

Здание дышало дряхлостью. Мало того что ступени поросли вековой грязью, так ещё и тусклая лампочка в пролёте едва тлела мертвенно-жёлтым светом, не столько разгоняя мрак, сколько превращая лестничную клетку в жутковатый склеп. В подобных трущобах гостю бывать ещё не приходилось.

Юноша уловил тень брезгливости, промелькнувшую на лице спутника, и виновато улыбнулся:

— Это комната от фирмы. Конечно, с твоим жильём не сравнить, но крыша над головой есть.

Лифта в старой постройке не водилось. Ступени тянулись круто вверх бесконечной чередой. Ли Юйнянь жил на самом чердаке, и долгий подъём давался ему с трудом.

Когда они наконец остановились перед дверью, Юйнянь тяжело дышал, хватая ртом воздух. Несмотря на ежедневные вынужденные тренировки, его здоровье оставалось хрупким — сказывалось полуголодное, болезненное детство. Спутник же стоял рядом как ни в чём не бывало: ни одышки, ни румянца на щеках, совершенная бодрость. Это зрелище вызвало у хозяина каморки невольный укол зависти.

— Открываю, — Юйнянь достал из кармана связку ключей, внезапно засомнеавшись в правильности своего порыва. — Только там... немного не прибрано. Пожалуйста, не суди

строго.

Гость небрежно кивнул. Хозяин всегда казался ему аккуратным, так что вряд ли внутри творился сущий кошмар. Но стоило замку щёлкнуть, а двери распахнуться, как в лицо ударил такой удушливый, тяжёлый дух, что мужчина невольно отшатнулся.

Перед взором предстала тесная общая прихожая, заваленная горами грязного белья. Повсюду валялись заношенные носки, а на колченогом столике громоздились пустые пластиковые стаканчики из-под лапши быстрого приготовления, коробки от фастфуда и вскрытые пакеты с дешёвыми разносолами. Всё это «богатство» источало тошнотворный кислый запах гниения. Двери в соседние комнаты были плотно запёрты — очевидно, у Юйняня имелись не самые чистоплотные соседи.

— И ты... живёшь здесь? — Сяо Пин ошеломлённо уставился на юношу. Осознание того, что его близкий человек ютится в этом вертепе, отозвалось в груди щемящей, горькой тоской.

— погоди секунду... — Сгорая от стыда, Юйнянь принялся торопливо расчищать ногами узкую тропинку среди хлама. — Проходи скорее ко мне.

Кое-как лавируя по освободившемуся пятачку пола, Сяо Пин проскользнул в комнату хозяина. По сравнению с убожеством коридора эта комнатка казалась настоящим райским уголком.

На крохотной площади в несколько квадратных метров царил образцовый порядок. Одеяло было аккуратно сложено стопкой у изголовья кровати, на прикроватной тумбочке поблёскивал чистый стеклянный стакан, а в углу примостился старенький, но тщательно вымытый платяной шкаф. Оглядев это скромное пристанище, гость наконец облегчённо вздохнул.

Большинство мужчин грешат некоторой небрежностью в быту, но Сяо Пин являлся исключением — выросший в абсолютной стерильности, он страдал лёгкой формой гермофобии. Юйнянь же, хоть и не отличался подобной щепетильностью, с детства привык к лишениям в приюте. Там, среди вечного голода, холода и обносков, чистоплотность оставалась его единственной доступной роскошью. И здесь, в этих убогих стенах, он из последних сил старался сохранить человеческое достоинство, поддерживая вокруг себя безукоризненный порядок.

Сяо Пин присел на край постели. Хозяин, заметно суетясь, наполнил чашку из старенького чайника, стоявшего у двери.

— У меня только кипяток. Выпей, согрейся, а то не дай бог простудишься после такого ливня.

Конечно, лучше всего было бы принять горячую ванну или хотя бы душ, но в этом обветшалом здании не существовало индивидуальных удобств. А предложить изнеженному гостю зайти в зловонную душевую общего пользования в конце коридора у юноши просто не повернулся бы язык.

Приняв кружку, Сяо Пин задумчиво посмотрел в полуоткрытое окно. Внизу, под тусклым светом фонарей, изредка проносились запоздалые машины, оглашая ночную тишину резким, неприятным скрежетом шин по мокрому асфальту. «Как здесь вообще можно уснуть?» — подумал он. Он всегда знал, что Юйнянь пробивается с самых низов, но даже представить себе не мог, насколько безрадостна его повседневность. Ведь при каждой их встрече этот юноша выглядел безупречно опрятным, беззаботным и полным юношеского задора.

Наутро, проснувшись раньше гостя, Юйнянь бросил взгляд на его лицо. Даже во сне мужчина глубоко нахмурился. Сердце юноши болезненно сжалось от чувства вины: тот явно промучился всю ночь на жёстком матрасе под грохот проезжающих машин. Ютиться в подобной конуре для человека его круга было настоящей пыткой. И всё же щемящая нежность согревала душу — Сяо Пин добровольно остался здесь, в этой глуши, только ради него.

Захватив зубную щётку и полотенце, Юйнянь вышел к общему умывальнику. Сырой утренний холод заставил его поёжиться. Он принялся приводить себя в порядок, погружённый в невесёлые думы.

Осень после вчерашнего ливня окончательно вступила в свои права, дыша ледяной сыростью. Пора бы доставать тёплые вещи, да только до следующей зарплаты оставалось почти две недели, а в карманах гулял ветер. Прошлогоднее зимнее пальто, изрядно потрёпанное за несколько сезонов, он перед отъездом отдал приюту. Матушка Ли наверняка уже перешила его на кого-то из малышей. Тёплой одежды у него попросту не осталось.

Сон у Сяо Пина выдался беспокойным, поэтому он проснулся сразу же, едва скрипнула входная дверь.

— Уже на ногах? А я, кажется, задремал лишнего, — пробормотал он, приподнимаясь на локтях.

Заметив, что юноша уже успел умыться, гость вскинул руку, чтобы посмотреть на часы, но передумал и опустил её.

— Сегодня суббота, торопиться некуда, — ответил Юйнянь, развешивая влажное полотенце на вешалке. — Если не выспался, полежи ещё.

Он повернулся и протянул гостю чашку с чистой водой:

— На, выпей с утра.

Мужчина принял воду, но пить не стал — поставил её на тумбочку и опустил ноги на пол, нащупывая туфли.

— Раз уж поднялся, валяться не буду. Проводи меня в умывальник, нужно привести себя в

чувство.

Вчерашний изматывающий день сморил его так быстро, что он уснул не умывшись. То, что его хваленая брезгливость позволила ему пережить эту ночь без душа, уже граничило с чудом. Сейчас всё его естество требовало горячей воды и мыла, чтобы смыть ощущение липкой дорожной пыли.

— Душевая у нас общая, тебе там вряд ли понравится, — мягко попытался отговорить его юноша. — Давай я лучше принесу горячей воды в тазу, умоешься здесь.

Однако гость лишь нетерпеливо махнул рукой, пресекая возражения.

— Перестань. Раз уж ты здесь справляешься, неужели я растаю? За кого ты меня принимаешь?
— Сяо Пин криво усмехнулся. Брезгливость брезгливостью, но он всё же оставался обычным человеком из плоти и крови, а не бесплотным духом.

— Ну ладно, пойдём, — вздохнул Юйнянь, сдаваясь. — Только чур потом не жаловаться.

Едва сдерживая позывы к рвоте и стараясь не дышать носом, Сяо Пин пулей выскочил из вонючего коридора на свежий воздух. Жадно глотнув кислорода, он повернулся к спутнику:

— И ты изо дня в день терпишь этот кошмар?

Юноша шёл следом, понутив голову. Он так отчаянно пытался казаться перед этим человеком успешным, сильным и независимым, но суровая реальность в один миг сорвала с него все маски. Скрывать нищету и бытовую неустроенность больше не имело смысла.

Вернувшись в комнату, мужчина опустился на скрипучую кровать. Глядя на Юйняня, который застыл у косяка, виновато отведя взгляд, он наконец озвучил зреющее со вчерашнего вечера решение:

— Собирай вещи.

— Какие вещи? — растерялся тот, не понимая, к чему клонит гость.

Юноша стоял в дверном проёме, загораживая блёклый свет из коридора. Несколько растрёпанных прядей упали ему на лоб, подчёркивая болезненную бледность кожи.

— Свои вещи собирай, — почти по слогам, едва сдерживая раздражение, повторил Сяо Пин.

Ещё вчера он и подумать не мог о подобном шаге, но воочию увиденная изнанка жизни юноши

перевернула всё в его душе. Грудь сдавило глухой, тягучей болью. Он никогда не подозревал, что в современном мегаполисе можно существовать в столь скотских условиях. И кто — человек, которого он называл своим партнёром!

— Мои вещи? — Юйнянь удивлённо моргнул. — Зачем их собирать? Да и прибрано у меня...

Мужчина шумно выдохнул, окончательно теряя терпение. Обычно сообразительный парень сегодня туго соображал, будто его разум парализовало стыдом.

— Переезжаешь ты, вот зачем! Здесь же жить невозможно, это просто какой-то хлев. — Сяо Пин сделал глоток остывшей воды, пытаясь подавить подкатившую к горлу дурноту. — Живо складывай пожитки, я помогу донести.

— Переезжать? — Юноша опешил.

В кошельке после всех трат у него оставалось от силы четыреста юаней, а до следующей полочки — без малого две недели. На какие шиши он снимет приличную квартиру?

Видя, что парень застыл истуканом, Сяо Пин поднялся и сам распахнул дверцы ветхого шкафа. Скучное имущество хозяина уместилось бы в один узелок. На нижней полке лежал скромный, почти новый чемодан. Выше сиротливо громоздились несколько лёгких свитеров, явно не способных защитить от заморозков. На плечиках висели тонкие демисезонные куртки. Ни одной плотной зимней куртки, ни пуховика, даже завалявшегося шарфа не нашлось.

— Ладно, забудь. Тряпки эти даже брать не стоит, пошли так. — Сяо Пин окинул взглядом комнату и понял, что собирать здесь, по сути, нечего. Он решительно перехватил запястье юноши, увлекая его к выходу.

— Стой... Куда мы? — Юйнянь послушно засеменил следом, свободной рукой притворяя за собой дверь. — Помедленнее, Сяо Пин, я не успеваю.

Мужчина молча довёл его до первого этажа и вытащил на улицу, остановившись у обочины дороги.

— Сяо Пин, да что с тобой стряслось? — Юноша высвободил руку и заглянул ему в лицо. — Ты сам не свой с самого утра.

Оба понимали: странности начались ещё вчера, стоило гостю переступить порог этого убогого дома. Просто до этого момента они притворялись, будто ничего из ряда вон выходящего не происходит.

— Юйнянь, переезжай ко мне, — негромко, но твёрдо произнёс Сяо Пин.

Это было их первое столь серьёзное решение за три месяца знакомства и неполный месяц близких отношений.

— Что? — Юноша лишился дара речи, не веря собственным ушам.

Он, конечно, знал, что его избранник занимает солидную должность в крупной корпорации, но никогда не искал в этой связи выгоды. Он ценил их союз сам по себе и ни разу не обмолвился о своих тяготах или нужде. И надо же было случиться вчерашней нелепости, чтобы Сяо Пин внезапно предложил съехаться!

— Убираться умеешь? — спросил мужчина. — А готовить?

Не понимая, к чему клонит собеседник, Юйнянь послушно кивнул:

— Умею.

Сяо Пин, хоть и догадывался об этом, всё же удивлённо приподнял бровь. Парни, едва окончившие университет, редко обременяли себя бытовыми хлопотами, а уж те, кто умел мало-мальски прилично готовить, и вовсе ценились на вес золота.

— Ну вот и отлично. Будешь помогать мне по хозяйству, а взамен получишь крышу над головой. У меня как раз пустует комната.

Правда, сейчас она служила ему рабочим кабинетом, но старая односпальная кровать всё ещё стояла там. Достаточно просто перенести папки с документами в гостиную. А новые вещи и постельное бельё для Юйняня они купят в ближайшие же выходные.

План казался Сяо Пину безупречным. Собственные доходы у него были средними, однако состоятельные родители не оставляли его без поддержки: при каждой смене сезона домашняя прислуга привозила ему новые брендовые вещи, а заботливая мать регулярно переводила солидные суммы на карманные расходы. К тому же у него имелись личные накопления, сделанные ещё до поступления на службу. Формально он тоже занимал ведомственное жильё, но уровень его комфорта отличался от юйнянева как небо от земли.

— Не стоит... — Юноша смущённо отвёл взгляд. — Моя берлога не так уж плоха, жить можно.

«В крайнем случае, просто не буду больше звать его к себе», — тоскливо подумал он. Вчерашний душевный порыв теперь казался ему верхом глупости.

— Глупости какие. Неужели тебе нравится этот клоповник? — Сяо Пин шагнул ближе и бережно обнял понурившегося юношу за плечи. Его голос потеплел. — Денег за аренду я с тебя не возьму, а твоя контора наверняка продолжит выплачивать компенсацию за жильё. Подумай сам: вдвоём веселее, и готовить можно вместе. Разве это не лучше, чем мыкаться

поодиночке?

Слова звучали заманчиво, и Юйнянь едва не поддался искушению.

Но, взвесив все «за» и «против», он всё же покачал головой, отвергая это заманчивое предложение.

<http://bllate.org/book/18418/1786129>